

О явлениях имперфекта, дифференцирующих древнерусские тексты по происхождению

Исследователи истории русского языка неоднократно отмечали, что в языке ранних памятников древнерусской письменности, которые или использовались во время богослужения, или предназначались для чтения и просвещения православных верующих, сосуществуют черты, являющиеся данью старославянской традиции, и черты, которые развились собственно в древнерусском языке и в грамматиках традиционно отмечаются как русизмы. Правомерно поставить вопрос, равномерно ли эти черты представлены в разных по происхождению памятниках древнерусской письменности. Успенский сборник конца XII—начала XIII в.¹ представляется удобным для проведения таких сопоставлений. В его составе находим 1) оригинальные древнерусские произведения, написанные на Руси (Сказание о Борисе и Глебе и Сказание о чудесах Бориса и Глеба; Житие Феодосия Печерского); 2) сочинения, созданные, видимо, в среде западных славян (Житие Мефодия; Слово похвальное Кириллу и Мефодию); 3) сочинение известного болгарского переводчика и проповедника времени царя Симеона Иоанна Экзарха — Слово на вознесение Иисуса Христа; 4) Житие Вита, по мнению А. И. Соболевского, переведенное с латинского в Моравии²; 5) жития святых, слова и поучения Иоанна Златоуста и другие сочинения, переведенные

¹ Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

² См.: А. И. Соболевский. Мучение св. Вита в древнем церковнославянском переводе. «Изв. ОРЯС», т. 8, кн. 1. СПб., 1903, стр. 279.

с греческого у южных славян и переписанные на Руси с южнославянских списков³. Всего в Усп. сб. 49 произведений. В дальнейшем пользуемся следующими сокращениями для этих текстов: СБГ — Сказание о Борисе и Глебе, а также Сказание о чудесах Бориса и Глеба; ЖФ¹ — часть Жития Феодосия Печерского, написанная первым писцом (л. 26а10—46г15); ЖФ² — часть Жития Феодосия, написанная вторым писцом (л. 46г16—67в26); ЖМ — Житие Мефодия архиепископа Моравского; СПКМ — Слово похвальное Кириллу и Мефодию; ИЭ — Иоанна Экзарха Слово о вознесении Иисуса Христа; ЖВ — Житие Вита; ПТ — все прочие тексты Успенского сборника, представляющие собой сочинения, возникшие у южных славян как переводы с греческого.

В качестве объекта исследования ограничиваемся формами имперфекта. Ряд черт этих форм, затрагивающих основу, суффикс или окончания, начали проявляться уже в поздних памятниках старославянского языка и получили дальнейшее развитие в древнерусской письменности. Мы останавливаемся на следующих данных: 1) стяженные и нестяженные формы, а также тип стяжения; 2) флексии 2 л. мн. ч. и 2—3 л. дв. ч.; 3) флексии 3 л. ед. и мн. числа; 4) различия в строении основ (основа наст. и прош. вр. в имперфекте).

1. По признанию авторов большинства грамматик старославянского языка, нестяженные формы имперфекта с суфф. *-aa-* или *-ѣa-* являются более древними, чем стяженные⁴.

Прежде чем проследить распределение архаических (нестяженных) и новых (стяженных) форм в Усп. сб., необходимо сделать несколько предварительных замечаний. При подсчете принимается во внимание число случаев употребления формы в тексте, при этом графико-орфографический вариант учитывается как самостоя-

³ В настоящее время работа по отысканию греческих параллельных текстов к сочинениям Успенского сборника проделана чехословацкой лингвисткой Э. Благовой и немецким языковедом (ГДР) Д. Фрейданком. См.: Э. Благова. Обзор греческих и латинских параллелей к Успенскому сборнику XII—XIII вв. «Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка», 1973, т. 32, вып. 3, стр. 271—274; D. Freydanck. Verzeichnis griechischer Paralleltex-te zum Uspenskiy sbornik. «Zeitschrift für Slawistik», 1973, Bd. 18, Hf. 5, Berlin, стр. 695—704.

⁴ Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 319

тельная форма. *Бѣхъ, бѣховѣ, бѣста* в расчет не принимаются как формы аориста. Формы под титлом со стяженным написанием гласного суффикса признаем стяженными в связи с достаточно развитым противопоставлением форм *глаше, глахоу*, с одной стороны, и *глаше, глахоу*, с другой. Формы *имѣста, прѣдъспѣташе, имѣахоу, съмѣташе* считаем одновременно стяженной и нестяженной формой. Стяженной формой она является в соотношении с основой наст. времени *имѣј-* <**јѣтѣј-*, нестяженной — в соотношенности с инфинитивной основой *имѣ-* <**јѣтѣ-*. В старославянских нестяженных формах мы бы нашли здесь *-ѣа-*. На возможность интервокального появления *ј* чисто фонетическим путем указывает *бѣташе* 21в7. Впрочем, наличие *разоумѣахоу* (225б2) более склоняет к признанию форм типа *имѣста* стяженными, образованными от основы наст. вр. *имѣј-*. Формы 1 л. ед. ч., 1—2 л. мн. ч., 1—3 л. дв. ч., образованные от основ совершенного вида, в которых имперфект формально не отличается от аориста, во внимание не принимаются как аористные формы, но те же формы от основ несовершенного вида привлекаются как формы имперфекта.

В СБГ из 190 случаев употребления форм имперфекта 108 раз встречаются стяженные формы и 82 раза — нестяженные. Как видим, процент нестяженных (старых) форм довольно значительный, в чем сказывается большая дань книжной традиции. «Те из памятников церковно-религиозного характера, которые по употреблению форм, по словарному составу являются оригинальными, примыкают, в силу традиции, к памятникам, списанным со старославянских оригиналов»⁵.

В ЖФ¹ и ЖФ² процент стяженных форм значительно больше. Соотношение следующее: в ЖФ¹ — стяженных 166, нестяженных 88, ЖФ² — 95 : 49. Числовое соотношение нестяженных и стяженных форм в ЖФ¹ и ЖФ² примерно одинаковое, что, видимо, отражает языковые особенности единого для них оригинала. В области орфографии различия ЖФ¹ и ЖФ² более яркие, и они не сглаживаются единством происхождения текстов, которые переписывали первый и второй писец. «В Успенском сборнике XII в., писанном двумя писцами, правописание первой

⁵ П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 195.

половины жития Феодосия, писанной первым писцом, не отличается от правописания переводных повести прор. Иеремии и жития Афанасия, а правописание второй половины жития Феодосия, писанной вторым писцом, — от правописания писанных им же житий Ирины и Иова, между тем как правописание этих двух частей жития [Феодосия. — В. Д.], восходящих к одному оригиналу, сильно разнятся»⁶.

В переводном с латинского ЖВ стяженных форм в 4,83 раза больше, чем нестяженных: соотношение 29 : 6, в ЖМ соответственно: 16 : 7, в СПКМ — 9 : 3, ИЭ — 1 : 10, ПТ — 930 : 620. На общем фоне, как видим, резко выделяется сочинение ИЭ, демонстрирующее явное преобладание архаических форм, что можно объяснить влиянием древнеболгарского оригинала. В остальных, в одних (сочинениях оригинально славянских и переводе с латинского) стяженные формы преобладают, в других (переводах с греческого на язык южных славян) — процент стяженных форм гораздо меньше. Последнее можно объяснить, видимо, тем, что второй писец Усп. сб. сохранял определенные особенности южнославянских переводов.

По способу стяжения и составу гласных суффикса древнерусский имперфект довольно последовательно отличался от старославянского. «В имперфекте на *-ѣахъ* почти во всех памятниках русского письма. . . вместо *ѣа* более или менее часто пишется *ла*, *ѣа* или, со стяжением, *ѣа*, *а*, причем во всех памятниках, кроме ОЕ и ГБ, формы с *ѣ* или отсутствуют, или очень редки. . . *ѣ* пишется только в имперфекте от *быти* (*бѣаше*, *бѣахъ* и пр.) и от *имѣти* (*имѣаше*, *имѣахъ* и пр.). . . в УС¹, УС² формы *бѣаше*, *бѣахъ*, *имѣаше*, *имѣахъ* и *имѣаше*, *имѣахъ* встречаются более или менее часто»⁷.

Привлечение материала всего Усп. сб. не колеблет

⁶ Н. Н. Дурново. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка. «Јужпословенски филолог», књ. 4. Београд, 1924, стр. 74—75.

⁷ Там же, стр. 57 (сокращением ОЕ Н. Н. Дурново обозначает Остромирово евангелие 1056—1057 гг., ГБ — Тринадцать слов Григория Богослова XI в., УС¹ и УС² — тексты Усп. сб., написанные первым и вторым писцом; л. 1—115 им берутся по изданию, но с проверкой по рукописи, а л. 265 об. — 270 только по рукописи); см. также: Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 320—321; П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, стр. 204.

выводов, сделанных Н. Н. Дурново на основе обследования в основном части Усп. сб., опубликованной А. А. Шахматовым и П. А. Лавровым. Что же касается форм *бѣаше*, *бѣахъ*, то исследователи старославянского языка признают их новообразованиями сравнительно с *бѣ*, *бѣша*⁸.

Приведем некоторые сравнительные данные об употреблении в Усп. сб. форм с суфф. *-ѣа-* старославянского типа и суффиксом древнерусским *-ѣа-* в глаголах *быти* и *имѣти*: в СБГ *бѣаше* — 5, *бѣаше* — 5, *бѣахоу* — 1; в ЖФ¹ *бѣаше* — 3; в ЖФ² *бѣаше* — 3, *бѣахоуть* — 1; в ЖМ *бѣахоу* — 3; в ИЭ *бѣаше* — 1; в ПТ *бѣаше* — 68, *бѣаше* — 9, *бѣахоу* — 24, *бѣахоу* — 6; *бѣаста* (3 дв.) в ПТ — 2 раза и *бѣашете* (3 дв., с характерным старославянским окончанием — *шете*) — 1 раз в ПТ при отсутствии *бѣаста* и *бѣашете*. Распределение форм от *имѣти*: в ЖФ¹ — *имѣаше* — 1; в ЖФ² *имѣаше* — 4; в ИЭ *имѣаше* — 1; в ПТ *имѣаше* — 14, *имѣахоу* — 12 раз, *имѣахоу* — только 2 раза. Помимо этого в текстах ПТ встречена форма *сѣмѣахоу*.

Приведенные данные наглядно свидетельствуют о том, что старославянские нестяженные формы явно преобладают над нестяженными древнерусскими в сочинениях, переведенных с греческого на язык южных славян (соотношения для *быти* 68 : 9, 24 : 6, для *имѣти* 26 : 2), уравниваются в СБГ (5 : 6), испытавшем сильное влияние южнославянских списков житий святых, и составляют весьма незначительный процент, если учесть и стяженные формы, в ЖФ¹ и ЖФ². В ЖФ¹ из 6 случаев употребления форм имперфекта от *быти* 3 раза *бѣаше* и *бѣаше* (3 раза), в ЖФ² — *бѣаше* (3 раза) и *бѣахъ* (1 раз). Случаи со старославянским типом стяжения *ѣа* → *ѣ* в Усп. сб. не засвидетельствованы, а формы *видѣхъ*, *имѣхъ*, *хотѣхъ*, *видѣхомъ*, *имѣхомъ*, *хотѣхомъ*, *видѣсте*, *имѣсте*, *хотѣсте*, *хотѣховѣ* мы не склонны считать стяженными имперфектами, поскольку нет противопоставленных им нестяженных форм в соответствующем лице и числе. Примечательно, что даже формы с основой инфинитива на *ѣ* претерпевают изменения, свидетельствующие об их сближении с основой наст. вр. *Имѣѣаше* (СБГ — 1, ПТ — 1), *разоумѣѣахоу* (ПТ — 1) доказывают морфологическое происхождение *j* в случаях *имѣаше*

⁸ А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. 2. М., 1952, стр. 165; Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 319.

(СБГ — 2, ЖФ¹ — 1, ПТ — 2), *имѣише* (ЖФ¹ — 1), *имѣишоу* (ПТ — 2), *имѣиста* (ПТ — 1), а также *прѣдѣспѣише* (ПТ — 1), *сѣмѣише* (ПТ — 1), но только фонетическими причинами можно объяснить появление *j* в *бѣише*, *бѣишоу*.

Таким образом, остатки старославянского типа нестяженных форм в древнерусском языке XI—XII вв. разрушались под воздействием как морфологических, так и фонетических причин.

Н. Н. Дурново дает фонетическое объяснение факту преобладания *ia* или *а* в древнерусском имперфекте, считая, что русские писцы буквами *ia* и *а* передавали произношение *ѣ* как *я* у южных славян. Что же касается сохранения *ѣ* в формах от *имѣти* и *быти*, то здесь Н. Н. Дурново предполагает иное фонетическое звучание *ѣ* у южных славян как *ѣ* закрытого⁹.

2. Флексия *-ста*, *-сте* во 2 и 3 л. дв. ч., во 2 л. мн. ч. имперфекта — черта, новая для старославянских текстов. Она замещает флексию *-шета*, *-шете*¹⁰. Но последняя сохраняется и употребляется в древнерусских текстах.

В связи с вопросом о локализации Галицкого евангелия 1143 г. И. В. Ягич писал о флексиях *-шета*, *-шете*, предположительно относя их к южнорусским чертам: «Окончание *-шета*, *-шете*, господствующее в Гал. евангелии, конечно, заимствовано из южнославянского подлинника, и для определения места происхождения памятника ничего не представляет, если нельзя будет со временем доказать, что эти формы преимущественно сохранялись в памятниках, написанных на юге России. Пока я укажу на существование таких же форм в известном сборнике московского Успенского собора, который основательно относят к памятникам южнорусским»¹¹. При этом И. В. Ягич ссылается на выписки А. Попова из разных сочинений Усп. сб.¹² А. Попов приводит примеры на *-шета*, *-шете* из «Видения пророка Исайи» и «Слова Григория Антиохийского». О фонетических транс-

⁹ Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 59, 60.

¹⁰ Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 321; А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 165.

¹¹ И. В. Ягич. Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1883 г. с приложением четырех критико-палеографических статей. «Сб. ОРЯС», т. 33, № 2. СПб., 1884, стр. 94.

¹² А. Попов. Библиографические материалы, I. Описание сборника русского письма конца XII века. М., 1879, стр. 6.

формациях флексии в виде *-šbt-* и *-št-* как специфической черте древнерусского языка пишет П. С. Кузнецов¹³.

По нашим наблюдениям, флексия *-шета*, *-шете* — явление весьма редкое в Усп. сб. Она встречается в основном в «Слове Григория Антиохийского на погребение и воскресение Иисуса Христа» (Усп. сб., л. 239в17—245в27): *люблѣашете*, *сѣмѣашете*, *кроплѣашете*, *охожа-шете*, *мѣнѣашете*, *можаашете*, *са плакашете*, и лишь один раз *непѣшевате*. Эти формы, несомненно, свидетельствуют о древности перевода и восходят к южнославянскому списку. Их преобладание в этом сочинении создает впечатление намеренной стилизации форм. Помимо приведенных выше форм с окончанием *-шете* и формы *бѣашете*, приведенной А. Поповым, укажем еще для 3 л. дв. ч. *бѣашета* и *бѣашете* из ПТ (Житие Елифания Кипрского), формы, в которых основа *бѣ-* ясно отражает признаки русификации. Имя Елифания Кипрского «воскрешало в памяти... популярное житие... В полемический сборник XVII в. „Щит веры“ был включен отрывок из Жития Елифания Кипрского „О юноши многоречиво“»¹⁴. В остальных случаях преобладают флексии *-сте* для 2 л. мн. ч. и 3 л. дв. ч. и *-ста* для 2 и 3 л. дв. числа. Эти флексии — свидетельство сближения имперфекта с аористом. Стяженные формы, совпадающие с аористом, образованные как от бесприставочных, так и от приставочных основ несовершенного вида, при учете случаев употребления флексии *-ста*, *-сте* также приняты во внимание: *възбранѣста*, *въровѣсте*, *плакаста са*, *покланѣсте са* и др. под. Допускаем также, что формы типа *крѣшѣсте са*, *срамлѣста са*, тождественные аористным, можно рассматривать как имперфекты от *-i-*основ. Характеристика П. С. Кузнецовым флексии *-та* в 3 л. дв. ч. наст. вр. (вм. старой *-те*) как черты поздних старославянских и древнейших русских памятников¹⁵ в равной мере относится и к тождественным флексиям имперфектов с предшествующим согласным *-с-*, т. е. к *-ста*, *-сте*. Специфически русской чертой можно считать наличие *-ста* для 3 л. дв. ч. в отличие от старославянской *-сте*.

¹³ П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, стр. 204.

¹⁴ О. А. Белоброва. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972, стр. 13, 30.

¹⁵ П. С. Кузнецов. Историческая грамматика. . . , стр. 208.

В древнерусском языке, хотя это и кажется противоречащим общему ходу эволюции — сближению двойственного и множественного числа, развивается более четкое противопоставление дв. и мн. числа по флексиям в имперфекте и аористе. Материалы Усп. сб. дают лишь два примера на *-сте* в имперфекте в 3 л. дв. ч., да и те из ПТ: *любласте* 293а29 и *плакасте*. . . сА 247аб. Во всех остальных случаях последовательно окончание *-сте* для 2 л. мн. ч., — *-ста* для 2—3 л. дв. ч. Специфически русская флексия *-ста* для 3 л. дв. ч. встречается в СБГ — 16 раз, в ЖФ¹ — 1, в ЖФ² — 3, в СПКМ — 2, в ПТ — 38 раз. Большое число употреблений дв. ч. в 3-м лице в СБГ объясняется содержанием текста, в котором говорится о двух святых.

3. Флексия *-ть* — черта, изредка встречаемая в старославянских памятниках в 3 л. ед. ч., но в древнерусском языке она получила широкое распространение как в 3 л. ед., так и мн. ч.¹⁶ Усп. сб. дает любопытную картину употребления флексии *-ть* или ее варианта *-ти*. Флексия *-ть* находим в СБГ — 6 раз, в ЖФ¹ — 18 раз, ЖФ² — 8 раз, ПТ — 13 раз. Другими словами, употребление данной флексии явно преобладает в ЖФ¹, значительно превышая ПТ, несмотря на то, что объем ПТ более, чем в 9 раз, больше ЖФ¹. Исключительно на ЖФ¹ приходится 16 употреблений флексии *-ти* в 3 л. ед. и мн. числа, причем во всех этих случаях за имперфектом следует вин. падеж местоимения *и*. После исследования Галицкого евангелия И. В. Ягич писал, что окончания *-шетъ*, *-хоуть* «в книжном языке древней России очень рано вошли в употребление как нечто такое, чем многие писцы по видимому очень дорожили». И далее: «. . . от окончания *-хоуть и* очень небольшой шаг до *-хоути и*, известной любимой формы иных памятников южнорусских, напр. сборника моск. Успенского собора в русских статьях, как в Житии Феодосия»¹⁷. Большую степень вероятности утверждения И. В. Ягича о *-ть* как южнорусской черте демонстрирует тот факт, что в Усп. сб. 26 случаев с этой флексией приходится на ЖФ, а на все остальные тексты, объем которых в семь с половиной раз больше, лишь 19. Протограф ЖФ был написан, по всей вероятности, в южной

¹⁶ П. С. Кузнецов. Историческая грамматика . . . , стр. 208; И. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 321.

¹⁷ И. В. Ягич. Указ. соч., стр. 94—96.

части Руси, поскольку именно там находился Киево-Печерский монастырь, где игуменом был Феодосий. Кроме того, известно, что Нестор писал житие, опираясь, в частности, на свидетельства келаря этого монастыря о юных годах Феодосия: «се же житие блженнаго оца нашего Феодосита от оуны вьрсты. до сде дондеже прииде въ пещероу. мти же него съповѣда единомуу ѿм братиѣ именьмь Феодороу. иже бѣ келарь при оци нашемь Феодосии. азъ же ѿм него вса си слышавъ ономоу съповѣдающе ми. и въписахъ на память» (Усп. сб., л. 33615—25). А родители Феодосия жили в городе недалеко (50 поприщ — около 35 км) от Киева (Усп. сб., л. 27а19—27). Поскольку в тех случаях, где флексия *-ти*, далее следует местоимение *и* (вин. п.), появление *и* во флексии можно связать с судьбой *ѣ*, т. е. *-тѣ ѣ* > *-ти и*. Видимо, глагол с местоимением образовывали словосочетание с главным ударением на глаголе. В тех случаях, когда за глаголом следовал союз *и*, а также слово с начальным *ј* и гласным полного образования или *ь* (*ь* в сильной позиции), в том же ЖФ¹ мы встретим только *-ть*: *несахоуть него, обращахоуть имь* (возможно *јить*), *попирашеть ю*. Флексия *-ти* в формах 3 л. наст. вр. и некоторых формах аориста перед *и* (мест., вин. п.) находим исключительно в СБГ и ЖФ¹: *въдасти и* 21а4, *сътвориати и* 28в17, *скроушити и* 19а7 и др. случаи. Между тем, в части Усп. сб., написанной 2-м писцом, *-ти* не встречается, хотя фонетико-синтаксические условия для ее появления налицо: *съгладывахоуть и, хоташеть и, влачахоуть и* и другие случаи в имперфекте, аористе и наст. времени.

Чем же можно объяснить тот факт, что в одном и том же сочинении в части, написанной 1-м писцом, флексия *-ти* есть, а там, где писал другой писец, — только *ть*? Оба писца списывали с одного списка. В этом списке ЖФ было или *-ть*, или *-ти*. Предположим, что Нестор, следуя установившейся орфографической норме, писал только *-ть* (на месте ст.-сл. *-тѣ*), и согласимся с мнением А. А. Шахматова о том, что протограф жития по языку не являлся чисто русским¹⁸. В таком случае *-ти* можно отнести только за счет первого писца. В написанном им же СБГ

¹⁸ Переписка А. А. Шахматова с акад. И. В. Ягичем (1881—1894). — В кн.: А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов. М.—Л., 1947, стр. 18.

для форм на *-ть* нет позиции, в которой глаголы могли бы приобрести флексию *-ти*. Второй писец сохраняет строго выдержанную практикой переписывания древнерусских текстов флексию *-ть*. «Опираясь на данные палеографии, а также графики и орфографии, можно сказать, что первый писец рукописи производит впечатление опытного и искусного каллиграфа, но человека менее грамотного и образованного, чем второй писец. Что касается последнего, то его письмо характеризуется ярко выраженным стремлением следовать определенным графико-орфографическим нормам»¹⁹. Н. Н. Дурново отмечал, что в ЖФ² меньше русизмов, чем в ЖФ¹, и высказывал мнение, с которым расходится изложенное выше мнение А. А. Шахматова²⁰. Н. Н. Дурново считает, что русизмы ЖФ были уже заложены или в самом списке, с которого списывали писцы Усп. сб., или в протографе: «... на долю самого 1-го писца русизмов переписанного им начала Жития Феодосия отнести нельзя, потому что в Повести прор. Иеремии и в Житии Афанасия в УС¹ таких русизмов почти нет, между тем как в Сказании о Борисе и Глебе они чаще, чем в Житии Феодосия»²¹. Русизмами Н. Н. Дурново считает только такие черты языка, «которые не вошли ни в одну из русских орфографических систем XI и XII вв. и встречаются в рукописях лишь как отступления от системы, так как такие русизмы наиболее ярко рисуют отношение писцов к передаче своего живого произношения»²². Флексия *-ти*, без всякого сомнения, относится именно к таким русизмам. Таким образом, по мнению Н. Н. Дурново, 1-й писец сохранял *-ти*, а 2-й — более грамотный, писал везде *-ть*. «Можно доказать, что некоторые тексты, писанные русскими писцами, заключали меньше русизмов, чем их оригиналы. Таковы, напр., Сказание о Борисе и Глебе и Житие Феодосия в УС...»²³.

Оставив вопрос о генезисе различий языковых черт ЖФ¹ и ЖФ² открытым, обратим внимание на показательность этих различий и одновременно сделаем некоторые дополнения о флексии *-ть*. В 21 случае *-ть* перед *и* (вин. пад.) не находим, в 6 — в той же позиции *-ть*.²⁴ Обсле-

¹⁹ Успенский сборник XII—XIII вв. . . М., 1971, стр. 24.

²⁰ Н. Н. Дурново. Указ. соч., стр. 85—86.

²¹ Там же, стр. 86.

²² Там же, стр. 76.

²³ Там же, стр. 94.

дование конкретного сочинения — «Слова Евсевия Александрийского» (Усп. сб., л. 216б11—222в28 — перевод с греческого) показывает, что *-ть* встречается в 5-ти случаях и во всех перед *и* в вин. п.

4. В грамматиках старославянского языка в качестве классических форм имперфекта, образованных от праславянских инфинитивных основ на *-i-*, указываются *ношдаахъ, хождаахъ, люблаахъ*²⁴. Показателем того, что эти формы в праславянском образовывались от основы на *-i-*, является наличие ступеней чередования *вл', пл', мл', бл', ш, ж, жд, ц, цр', шл',* генетически восходящих к **vj, *pj, *mj, *bj, *sj, *zj, *dj, *tj; *trj, *slj*. В период, когда появились письменные памятники старославянского языка, связь этих форм с инфинитивной основой потеряла свою актуальность. В связи с этим в сознании носителей языка происходит морфологическое переосмысление подобных форм, т. е. сближение их с формой 1 л. ед. ч. наст. вр., и возникают формы с другой ступенью чередования: *в', н', м', б', с', з', д', т', ст', тр', сл', стр'*, которые еще прочнее связывают имперфекты с основой наст. вр., поскольку эта ступень чередования преобладает в спрягаемых формах наст. вр. В поздних старославянских памятниках инновации этого типа единичны (только в Супр)²⁵. Приведем сопоставительные данные из Усп. сб. Отбирались только такие формы, конечный согласный которых дает различные ступени чередования. Формы с исходом основы на *р', л', н', ч, ж* учитываться не могли, так как в конце XII—начале XIII в. различия полностью мягких и полумягких сонорных *р л н* на письме не отражаются, а *ч* и *ж* не вступали и ранее в чередования. Форм архаических, т. е. со ступенью чередования согласного, восходящей к сочетанию согласного с *j*, в СБГ — 8, в ЖФ¹ — 16, ЖФ² — 6, ЖМ, СПКМ, ИЭ — 2, ЖВ — 3, ПТ — 68. Новообразований со ступенью чередования *в', н', м', б', с', з', д', т', ст', тр', сл', стр'* в СБГ — 4, ЖФ¹ — 12, ЖФ² — 12, в ЖМ, СПКМ, ИЭ, ЖФ примеры не засвидетельствованы, в ПТ — 13. Как видим, наибольший процент новообразований дают ЖФ¹ и ЖФ² (соотно-

²⁴ А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 160, § 133; Н. Н. Biel'feldt. Altslawische Grammatik. Halle, 1961, стр. 219 (класс IV 1).

²⁵ Н. G. Lunt. Old church Slavonic grammar. s'-Gravenhage, 1955, стр. 86.

шение старых и новых форм в ЖФ¹ — 16 : 12, в ЖФ² — 6 : 12), в ЖФ² новообразования явно преобладают.

Можно провести наблюдения над тем, в каких отношениях находятся два (или больше) признака, по которым определяется, с чем мы имеем дело — с новообразованием или архаической формой. В имперфекте таким признаком может быть стяженность или нестяженность и образование формы от основы наст. вр. или от праславянского инфинитива. Такое сравнение позволит, на наш взгляд, выявить относительную хронологию новообразований. Два архаических признака (образование от праславянского инфинитива и нестяженность) представлены в СБГ в 5 формах, в ЖФ¹ — в 9, ЖФ² — 3, в ЖМ, СПКМ, ИЭ, ЖВ нет, в ПТ — 28 формах. Сочетание архаического признака (праславянский инф.) и нового (стяжение) находим в СБГ — в 3 формах, ЖФ¹ — 7, ЖФ² — 3, ЖМ, СПКМ, ИЭ — 2, ЖВ — 3, ПТ — 40 формах. Сочетание основы наст. вр. с нестяжением не обнаружено в СБГ, ЖМ, СПКМ, ИЭ; в ЖФ¹ засвидетельствовано в 3 формах, в ЖФ² — в 2, в ПТ — только в 6 формах и то книжных и искусственных: *любдаше, приносаше, прѣтдаше, съмотраше, съмотрашоу, съмысдаше*. Сочетание двух новых признаков (основа наст. вр. и стяжение) встречается уже чаще, преобладая в СБГ, ЖФ¹ и ЖФ²: в СБГ — 4 формы, ЖФ¹ — 9, ЖФ² — 10 форм, ПТ — 7 форм (в ЖМ, СПКМ, ИЭ, ЖВ не засвидетельствовано). Из этих количественных данных напрашивается вывод, что стяжение как более выразительный фонетический и морфологический признак формы получил в Усп. сб. большее распространение, чем признак второй, т. е. соотносительность основы имперфекта с формой 1 л. ед. ч. или остальными формами наст. вр. Второй признак был менее выразительным в связи с тем, что его архаический вариант (возможность реконструкции из формы имперфекта праславянского инфинитива) и новый при строго синхронном анализе равно отражали тенденцию новую: сближение имперфекта с основой наст. вр.

«Уже с давнего времени, — писал А. М. Селищев, — основы имперфекта сближались с основами настоящего времени. Процесс этого объединения позднее распространялся еще шире»²⁶. Синхронный анализ форм импер-

²⁶ А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 165; см. также: Н. Н. Bieljseldt. Указ. соч., стр. 220.

фекта с точки зрения формообразовательной (по материалам Усп. сб.) показал, что имперфект образуется от основы настоящего времени во всех случаях, за исключением основ на *-а*, ограниченного количества основ на *-ѣ* (формы старославянского происхождения) и глагола *быти*²⁷. Сами возможности сближения имперфекта с настоящим временем были заложены, безусловно, еще в старославянском, где формы определенного строения при синхронном их анализе обнаруживали основу наст. вр., а не инфинитива²⁸. Вывод Г. Бильфельдта, относящийся к старославянскому языку: «основой, к которой чаще всего присоединялся суффикс имперфекта, была основа инфинитива»²⁹, нуждается в статистической проверке применительно к древнерусскому.

Вопрос об употреблении форм имперфекта от глаголов совершенного вида связан непосредственно с развитием имперфектов от основ наст. вр. Исследуя имперфекты от глаголов совершенного вида, Ю. С. Маслов привлекал ЖФ по Усп. сб., ряд других оригинальных русских текстов, сравнивая их со старославянскими текстами и древними славянскими языками, а также современным болгарским³⁰. Ю. С. Маслов пришел к выводу о слабом развитии этих форм, употреблявшихся в кратно-перфективном и разного оттенка модальных значениях в старославянском. Древнерусский литературный язык напротив, по его мнению, характеризуется большей употребительностью подобных форм. Эти выводы Ю. С. Маслова существенно важны для целей нашего анализа. Совсем другая сторона вопроса, чем эти различия вызваны.

Ю. С. Маслов приводит из Клоц. сб. и Супр. рук. 6 примеров таких форм: *оутѣкнѣаше са, обраштахом' са, начнѣѣхомъ, снидѣаше, сънидѣаше, дадѣаше*. Примеры из Изб. 1073 г. к старославянскому языку не относятся. Нами в ЖФ¹ и ЖФ² зафиксировано 43 случая употребле-

²⁷ В. Г. Демьянов. Основа имперфекта в древнерусском книжном языке XII века. «Источниковедение и история русского языка». М., 1964, стр. 142—149.

²⁸ См.: А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 164, 165; Н. Г. Лунт. Указ. соч., стр. 86, 87; Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 318—319.

²⁹ Н. Н. Bielfeldt. Указ. соч., стр. 218.

³⁰ Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках. «Вопросы славянского языкознания», вып. 1. М., 1954, стр. 68—138.

ния имперфекта от глаголов совершенного вида. Все эти случаи интерпретируются однозначно как образованные от глаголов совершенного вида. Подавляющее большинство (37) образовано от основы наст.-буд. времени и включает в себе различные признаки этой основы. Ими могут быть иная ступень чередования гласного в корне в отличие от основы инфинитива (*стадѣше, обрацааше, лажашеть, пѣклонѣше сѣ, затворѣше сѣ, измелѣшеть*); ступень чередования конечного согласного, ясно указывающая на соотносимость форм имперфекта с рядом форм наст. вр. основ на *-i-* (*сподобѣшети, оутвѣрдѣше, отъпоустѣше, възвратѣше сѣ, ѡтпоустѣше, възвѣстѣхоуть, коупѣхоу, коупѣше, расхоустѣше*); наращение согласного к основе наст. вр. (*станѣше, възстанѣше, дадѣаше*). Среди них же представлены глаголы с основой на *-ни-* результативного значения (*извыкнѣше, оумѣлкнѣше, дѣръзнахѣ*), а также формы *начѣнѣше* и *прибоудѣше*. Форма *боудѣше* представлена в ЖФ¹ 8 раз, в ЖФ² — 1 раз (*боудѣше*). 3 формы имперфектов сов. вида образованы от основы прош. вр. (*въздѣрмааше сѣ, послоушааше, сѣповѣдахоу*), 3 допускают соотнесение с той и другой основой (*оуслышааше, отидѣше, облечашети*).

Имперфекты, образованные от основ совершенного вида, встречаем также в ПТ (Повесть Ефрема Сирина об Авраамии: *въздѣръжааше сѣ, помолѣше сѣ*; Житие Февронии: *дадѣаше*; Житие Епифания Кипрского, Послание Савина к Полувию, Сказание Агапия: *дадѣхоу*; Слово Евсевия Александрийского: *начѣнѣше*), в СПКМ (*сѣ прѣтъкнѣхѣ*), в СБГ (*прѣтъргнѣхоу сѣ, дадѣаше*). В этих текстах кратное значение форм имперфекта, на которое указывает Ю. С. Маслов, выражено слабее. Это можно объяснить тем, что содержание текстов не предоставляло широкой возможности для проявления указанных форм: ведь они могли появиться только при изложении событий, происходивших в достаточно продолжительное время. В глагольных формах, употребленных в СБГ, СПКМ, ПТ, к значению кратности, слабо выраженному ввиду отсутствия в контексте рядом подобных же форм, присоединяется модальное значение невозможности совершения действия. Это значение развивается в сочетании глаголов *дадѣаше, дадѣхоу* с отрицанием *не*. Г⁷ не дадѣаше таковоуоумоу скрвицю [т. е. гробам Бориса и Глеба] крыти сѣ въ земли (СБГ); и не дадѣхоу [гражане] юмоу

[агапию] изити из града; нъ идоушемъ въ монастырь не дадахоу почити епифану; гста за тѣло [св. Епифанія] понюкающа. ины зълѡвѣрныѣ. и не дадахоу него погрети; февронитѣ же имѣши ю [прокљу] за роукоу не дадаше юи ѣзити (ПТ).

Имперфекты от глаголов совершенного вида могли употребляться в значении, абсолютно тождественном аористному, что свидетельствует о сближении значений аориста и имперфекта. В СБГ читаем: *яко потагоша силою оужа претьргнѣхоу с.а. велика соуща [рака] зѣло яко одва можааше моужь обити обѣма роукама. и тако юдиною всѣ претьргнѣхоу с.а. Форма претьргнѣхоу с.а. в начале фразы соседствует с аористом, в конце — рядом с наречием *юдиною* «разом, вдруг»³¹.*

Употребление имперфекта от глаголов совершенного вида наблюдаем в ЖФ¹ и ЖФ² в соседстве с другими формами имперфекта от основы несовершенного вида, т. е. более обычными. Встречаем в Усп. сб. и другие средства выражения кратности действия: наречия *пакы, другоици* «иногда», *многашьды, николи же*; наречные сочетания — *по всѣ дни, по всѣ ноци*, слова или сочетания слов — *имѣаше обычаи, по обычаю*. Поэтому употребление форм имперфекта от основ совершенного вида не было обязательным. По нашим подсчетам, в ЖФ¹ писец мог бы употребить имперфект совершенного вида в ситуации повторяемости 57 раз, заменив обычный имперфект от глаголов несовершенного вида. В ЖФ² таких позиций — 21. Думается, что эти формы диктовались намеренным выбором автора и явились одним из элементов повествовательного стиля Нестора — одного из крупнейших древнерусских писателей XI—XII вв.

Связь различий в употреблении форм с архаическими (ранними старославянскими) и новыми (поздними старославянскими и древнейшими русскими) чертами с разным происхождением и историей текстов, из которых составлен Усп. сб., несомненна. Языковые черты промежуточных списков разных произведений давали о себе знать. Э. Благова провела сопоставительное лингвотекстологическое изучение пяти гомилий Иоанна Златоуста в Усп. сб. (лл. 188а12—190в25, 195а2—210в29, 212б14—216б10,

³¹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1, стб. 817.

233г30—239в16) со сходными гомилиями Супрасльской рукописи, написанной примерно на 150 лет ранее Усп. сб., и пришла к выводу о большом консерватизме писца Усп. сб. в передаче морфологии³². Это и понятно. По возможности строгое соблюдение языковых и орфографических норм южнославянского списка, а в ряде случаев даже исправление неправильного на правильное классическое старославянское было показателем грамотности писцов древней Руси, переписывавших церковно-богослужebные тексты.

---

³² Э. Благова. Гомилии Супрасльсого и Успенского сборников. «Исследования источников по истории русского языка и письменности». М., 1966, стр. 77—87.